

Марина Кашина

Практики и идентичности: гендерное устройство / Под ред. Е. Здравомысловой, В. Пасынковой, А. Темкиной, О. Ткач. – СПб.: Изд-во ЕУСПБ, 2010. 326с. ISBN 978-5-9438-0105-1.

Марина Кашина. Адрес для переписки: Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кафедра социологии и социальной работы, Средний пр. В.О., 57, Санкт-Петербург, 199178, Россия. kashina_soc@inbox.ru.

Я всегда с удовольствием читаю работы, подготовленные в рамках программы «Гендерные исследования» (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Неожиданные темы, широкая география, отточенная методика, интересные эмпирические данные – все это заставляет почувствовать многообразие и многозначность нашей повседневной жизни. Не стал исключением и новый сборник статей «Практики и идентичности: гендерное устройство», который, по словам редакторов, является частью исследовательской программы, посвященной изучению гендерных трансформаций в приватной сфере в современном российском обществе. Объект исследовательского интереса специалистов из Европейского университета – приватная сфера / сфера интимных отношений – для них традиционен. Можно вспомнить замечательную работу Анны Темкиной о сценариях сексуальности, опубликованную еще в конце 1990-х годов (Темкина 1999).

К сожалению, на этом поводы для дифирамбов заканчиваются. Не отрицая высокую научную фундированность введения, написанного редакторами сборника (известными отечественными исследовательницами гендерных отношений Еленой Здравомысловой и Анной Темкиной и их более молодыми коллегами – Вероникой Пасынковой и Ольгой Ткач), в котором содержится практически весь теоретический посыл книги, остальные триста страниц хочется назвать «ползучим эмпиризмом», то есть неумелым описанием фактов без их анализа и обобщения (Ожегов и Шведова 2002: 553).

Предвижу массу вопросов, поэтому начну издаюла, с обсуждения различий между качественной и количественной методологией социального исследования. Специалисты знают, о чем идет речь, а те, кто хочет познакомиться с этой проблематикой подробнее, могут обратиться к ставшей классической книге В.А. Ядова «Стратегия социологического исследования» (Ядов 2007). Применительно к женским и гендерным исследованиям выбор качественной методологии обусловлен тем, что это «востребовано самим предметом анализа – прежде неисследованными семейными и профессиональными взаимосвязями жизни женщин, типичными поворотами в их биографиях или противоречиями женской идентичности» (Мещеркина 2001: 208). Другой аргумент в пользу необходимости использования качественной методологии связан с тем, что «позитивист-

ский эмпирик приучен не доверять чувствам и субъективности», и более того – в традиционных количественных исследованиях «воплощены мужские ценности автономии, отграничения, дистанции и контроля женщины» (там же). Соглашаясь с тем, что качественная методология оказывается более релевантной для решения задач гендерных исследований, нельзя не поставить вопрос о конечной цели таких исследований.

Поскольку речь идет о (феминистской) науке, то целью должно выступать продуцирование нового знания, в том числе знания теоретического – в виде концепций, моделей, теорий. При этом, если в количественном подходе целью является верификация, то есть проверка уже существующих, более общих теорий, то при использовании качественного подхода на основе концептуализации наблюдаемых фактов создаются мини-теории или «теории данного случая» (Семенова 1998: 206). Вариантов концептуализации много: от поступательной аппроксимации до построения идеальных типов и выделения контекстов (Малышева 1997). Соответственно и типы качественных исследований будут разными: дословное описание данных, их систематизирование (редактирование), построение теории (Семенова 1998: 15). В количественной методологии это выступает как разделение исследований на пилотные (зондажные), описательные и аналитические. Если в первом случае задача состоит в том, чтобы проблему поставить, то в последнем – в том, чтобы ответить на вопрос о причинно-следственных связях, эту проблему породивших.

Большинство исследователей придерживаются мнения, что «количественные и качественные методы решают разные задачи и поэтому не могут быть взаимозаменяемыми: возможно использование обоих подходов» (Мещеркина 2001: 210). Однако какие бы методы и стратегии исследования не использовались, это не снимает вопроса о его качестве и научной ценности. Понятно, что чем выше уровень концептуализации, тем более общие теории могут быть построены, тем больше будет вклад в понимание/объяснение социальной реальности.

К сожалению, авторы статей, представленных в рецензируемом сборнике и выполненных исключительно в «мягкой» качественной технике, остановились на полпути от эмпирии к теории. Скрупулезно собрав эмпирические данные на небольших выборках, авторы соотносят их с западными концепциями. В статье Ларисы Шпаковской «Гражданский брак в России: свобода и отношения» теоретической базой стали концепция второго демографического перехода Д.Дж. Ван де Каа (Van de Kaa) и теория польской исследовательницы А. Матышак (Matysiak) о четырех этапах эволюции сожительства. В статье Анастасии Смирновой «Время и пространство заботы: практики российских домохозяек» концептуальной основой выступила теоретическая модель *caringscape* Л. Мак-Ки, С. Грегори и С. Баулби (McKie, Gregory & Bowlby). При этом, на мой взгляд, следующий шаг в построении собственной теории данного случая авторы сделать не смогли. В результате статья представляет собой иллюстрацию западных теорий российскими эмпирическими материалами.

Некоторым исключением можно считать статью Ольги Громашевой «Организация питания в семье: гендерный аспект», потому что ее автор ориентиро-

валась не только на работы Э. Оукли (Oakley), которая «концептуализировала домашний труд, включая организацию питания, в качестве работы, аналогичной профессиональной занятости» (с. 162), но и на концепцию женской власти, предложенную отечественными социологами Темкиной и Здравомысловой (с. 168). Однако это не спасает сам материал статьи от описательности и перегруженности малозначимыми деталями.

Следующий серьезный вопрос касается публичности социологического знания. Как справедливо отмечает Елена Мещеркина, «наука в "башне из слоновой кости" не может быть феминистской» (Мещеркина 2001: 199). Добавлю от себя, что отечественная социальная политика пока остается в рамках удовлетворения лишь практических гендерных потребностей населения, причем только тех, которые представляются значимыми для государства. Задача публичной гендерной социологии – создать научную базу для разрушения «патриархатной сделки» государства и граждан, а также для превращения государственной социальной политики в гендерно ориентированную (Кашина 2011).

Что мы видим в рецензируемом сборнике? Вопрос о сопротивлении господствующему порядку в явном виде поставлен только в статье Екатерины Бороздиной «Беременность и практическое знание женщин», которая интерпретирует его как сопротивление беременных женщин господствующим экспертным требованиям врачей и медиализации, в случае, когда они считают, что «собственные ощущения в большей степени соответствуют реальности их опыта, чем жесткие медицинские схемы» (с. 254).

Статья Даниса Гараева «Поворот к исламу: практики ношения хиджаба в современной Казани» вообще смотрится в гендерном (феминистском) сборнике, мягко говоря, странно, учитывая, что основной вывод автора заключается в том, что «принятие ислама и ношение хиджаба являются для мусульманок Казани важными социальными ресурсами, позволяющими женщинам занять активные позиции не только в семье, но и в политической жизни региона» (с. 292). Спрашивается: на какой основе они эти позиции занимают, особенно если учесть, что через всю статью рефреном проходит мысль о том, что «платок становится дисциплинирующим элементом в процессе отказа от светского образа жизни» (с. 286). Другими словами, чтобы стать по-настоящему религиозными, женщины Казани должны надеть хиджаб, отказаться от «вольностей» светской жизни, иначе они не смогут занять сильные социальные позиции в мусульманском обществе. Более того, принятие ислама, считает Гараев, является для женщин «результатом рефлексивного восприятия окружающей действительности, нежеланием мириться с ее явлениями и попыткой найти альтернативный способ существования» (с. 293).

Исламский феминизм, равно как и буддийский, конфуцианский (например, в Китае) и любой другой, выросший на иной основе (не христианской, потому что в ортодоксальном христианстве, как известно, очень сильна мизогиния), – предмет отдельного и очень серьезного разговора. Однако для современного российского контекста, мне кажется, актуален несколько иной аспект темы. Признавая права граждан на свободу совести, не надо забывать о специфике и

функциях религии, которая отнюдь не стремится к освобождению и раскрепощению личности. Если говорить конкретно об исламе, то существует известный феномен женщин-смертниц (шахидок), многие из которых пошли на террористический акт совершенно сознательно («рефлексивно», по терминологии Д. Гараева), найдя в исламе (точнее в войне с неверными) оправдание своему желанию отомстить за смерть близких.

Недоведенной до логического конца выглядит и статья Ольги Соколовой «Мужчина как "потенциальный больной": анализ социально-гигиенического дискурса». Возможно, это связано как раз с тем, что подходящей западной концепции на эту тему не нашлось, а работы И.С. Кона по маскулинности автору в своем анализе использовать не удалось, хотя в списке литературы к статье их названо целых шесть. Автор рассматривает, как отражаются в специальной медицинской периодике достаточно известные проблемы мужского здоровья. В старших возрастах это риски, связанные со старением (они, собственно, одни и те же для мужчин и женщин и предметно исследуются в социальной геронтологии); в младшем возрасте это риски, связанные с обучением (они тоже одинаковы для мальчиков и девочек, если, конечно, автор не является сторонницей идеи раздельного обучения); со срочной службой в армии (это специфически мужские риски, но только до тех пор, пока женщин не станет в армии значительно больше; однако и здесь нельзя забывать, что далеко не все молодые мужчины идут служить в армию по призыву); для мужчин трудоспособного возраста риски связаны с вредными условиями труда, психоэмоциональными перегрузками, которые являются сопутствующими элементами занимаемых высоких должностей, социального положения, а также риски, связанные с состоянием в браке или вне его, с сексуальной активностью и деструктивными практиками досуга. В заключении автор делает вывод о том, что «в медицинском дискурсе многие мужчины попадают в группы риска [...]. При этом социально-гигиенический дискурс проблематизирует место обучения, военную службу, семью, работу, место проживания, сексуальность, досуг, а также роль потенциального пациента» (с. 229). Другими словами, проблематизируется все, все аспекты и этапы человеческой (мужской) жизни. Наряду с этим риски младшей и старшей возрастных групп медиализируются, то есть анализируются не с социальных позиций, а с позиций физиологических особенностей организма (с. 230).

Трудно спорить с очевидным, но все-таки хочется спросить: а в чем состоит новизна социальной проблемы, которой посвящено данное исследование? То, что мужчин надо беречь, и то, что это уязвимая, с точки зрения здоровья, социальная группа, говорил еще сорок лет назад советский демограф Борис Урланис, статью которого из «Литературной газеты» автор приводит в списке источников. Что нового для себя узнает читатель из результатов этого исследования, помимо названий необычных болезней?

Я уже не говорю о том, что многие риски, выделенные Соколовой, не являются специфически мужскими, поскольку когда женщины работают во вредных условиях, у них также развиваются профессиональные заболевания. В Петер-

бурге были проведены очень интересные эмпирические исследования на эту тему, а в декабре 2008 года состоялась международная конференция «Гендерное неравенство в сфере труда: Северо-Запад России и Северные страны», на которой обсуждались результаты этих исследований. Другое дело, когда мужчины больше заняты на работе во вредных условиях, но это уже специфика гендерной сегрегации рынка труда, а не проблемы здоровья. Возможно, официальный медицинский дискурс замалчивает такие риски для женщин, тогда это проблема, но о ней автор статьи нам так и не сообщает.

Другими словами, самой проблематизации мужской роли, обрекающей мужчин на риски для здоровья, недостаточно; нужен следующий шаг в анализе, вскрывающий именно властные отношения медицинского дискурса, подвергающий критике медикализацию самой проблемы. Феминизм (о чем говорится, в частности, в статье Екатерины Бороздиной и в исследованиях Анны Темкиной и Елены Здравомысловой) часто оказывается в оппозиции к официальной медицине, не учитывающей особенности женского тела и здоровья. В каких отношениях с этой медициной находится социально-гигиенический дискурс, который анализирует Ольга Соколова? Он – ее часть? Тогда где же власть? На чьей стороне официальная медицина – доминирующих или доминируемых? Как можно использовать власть медицины для переосмысления традиционных гендерных ролей, чтобы снизить риски для мужского здоровья, если они порождаются как раз традиционным гендерным представлением о мужчине как добытчике?

Я не буду дальше приводить примеры «дескриптивности» проведенных исследований. Тот, кого это заинтересует, может прочитать книгу. Однако для меня остается открытым вопрос о том, были ли реализованы в предлагаемых нашему вниманию проектах задачи концептуализации и построения своих мини-теорий. Если нет, то почему? А главное – какой вклад в строительство столь необходимой нам сегодня теории гендерных отношений российского общества вносит эта книга, помимо обильного цитирования не всегда грамотных высказываний респондентов (хотя абсолютное большинство из них – представители среднего класса) о своих переживаниях и проблемах, имеющих отношения к гендерным практикам.

Надо сказать, что речь интервьюеров, приводимая в статьях, также не отличается стилистическим изяществом. Особенно это бросается в глаза там, где обильно цитируются материалы интервью. Понятно, что в качественном исследовании нужно «слышать голоса», но когда голос интервьюера столь же неграмотен, как и речь респондента – это печально. Хорошо известно, как воспроизводит и продуцирует ошибки в русском языке Интернет, его социальные сети и блоги, и это отражает снижение общего уровня культуры нашего населения, прежде всего – молодежи. Одна из важных функций социальной науки – просвещение и образование. Ученый (исследователь) должен говорить на языке респондента, но при этом не подстраиваться под него вплоть до использования просторечия и ненормативной лексики (если они даже привычны опрашиваемому), тем более что подобная «простота» будет вредить репутации качественных методов в глазах тех, кто и так не является их сторонником.

Большинство тезисов, которые авторы выдвигают в качестве результатов своих исследований, будучи распространенными и типичными, так или иначе уже были проанализированы и получили свою оценку в предыдущих исследованиях, проведенных по этим или близким к ним темам, поскольку гендерной социологией в России занимаются, как минимум, двадцать лет. Почему-то наши молодые исследователи в своих статьях не представили аналитические обзоры того, что уже было сделано по изучаемым ими проблемам в отечественных гендерных исследованиях.

По какой причине мы все время начинаем с нуля или, в лучшем случае – отталкиваясь от взгляда западных авторов? Как будто из отечественных исследователей подобными проблемами никто не занимался. К слову сказать, в трех из десяти статей сборника количество упоминаемых работ, опубликованных на английском языке, заметно превышает число работ, написанных и изданных по-русски. Еще раз подчеркну, что все известные отечественные гендерные центры уже отметили свое двадцатилетие, и все эти двадцать лет они вели исследования. Конечно, в сборнике в этом отношении есть и исключения. Список литературы к статье Ларисы Шпаковской, безусловно, смотрится весьма внушительно: тридцать семь источников на русском языке и двенадцать – на английском. Но это скорее исключение. Например, список работ, на которые ссылается в своем исследовании о ношении хиджаба Данис Гараев, насчитывает лишь двенадцать работ, из которых пять – на английском языке.

Если бы меня попросили кратко сформулировать основную идею сборника «Практики и идентичности: гендерное устройство», то я бы воспользовалась словами Ольги Громашевой о том, что многое «внешне кажущееся стихийно сложившимся, на самом деле является гендерно обусловленным» (с. 180). В демонстрации этого, как мне представляется, и состояла главная задача его авторов. Другое дело, что многое из того, что является открытием для начинающего ученого, для самой науки может оказаться совершенно очевидным и уже давно открытым.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кашина, Марина. 2011. Гендерно ориентированная социальная политика как проект публичной гендерной социологии // *Личность, культура, общество*. XIII. Вып. 2 (63–64). С. 235–241.
- Малышева, Марина. 1997. Способы кодирования и анализа качественных данных // *Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях*. М.: МЦГИ, ИСЭПН РАН. С. 66–85.
- Мещеркина, Елена. 2001. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // *Введение в гендерные исследования: учебное пособие* / Под ред. И.А. Жеребкиной. Ч. 1. СПб.: Алетейя. С. 197–237.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 2002. *Толковый словарь русского языка*. М.: Азбуковник.
- Семенова, Виктория. 1998. *Качественные методы: введение в гуманитарную социологию*. М.: Добросвет.
- Темкина, Анна. 1999. Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях российских женщин: опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // *Гендерные тетради*. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН. С. 20–54.
- Ядов, Владимир. 2007. *Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности*. М.: Омега-Л.